

ПРЕДИСЛОВИЕ

Путешествие по жизни героев в разных ее проявлениях и противоречиях.

В момент пост апокалипсиса передать мысли героев и события, которые могли бы быть и не произошли. Плазмодные формы жизни, параллельные формы жизни, новая форма жизни. Открытие порталов в День завтрашних историй.

Новые герои в каждой истории появляются внезапно. Потом все закрывается и опять все начинается сначала.

Жанр «Затерянные миры». Монтаж по смыслу, по эмоциям, где выдумка переплетается с реальностью.

Борьба за лучшее будущее, и поиск лучшего мира, где герои ответственны за свой выбор.

«Еще не поздно открывать миры, – Вперед!» (Говоря словами А. Теннисона из «Улисса»)

На фоне утопии – страны без места на карте. Где проявляется человеколюбие героев, многообразие выбора, и где побеждает любовь.

ДИАЛОГ ДЕМОКРАТОВ

Они собрались в доме с мезонином. В одной из гостиных.

Было человек пять друзей, расположившихся свободно на диванах, козетке, креслах вокруг овального стола в небрежных позах.

По краям стола стояли два бронзовых канделябра. В центре рюмки на длинных ножках.

В углу на подставке возвышались английские часы с круглым циферблатом. Из открытой двери проглядывал кабинет с бюро, рабочим столом, напольными часами. На столе виднелся колокол, печать в виде бюста из слоновой кости. А так же бронзовые подсвечники по краям, коробочка для марок, набор для письма.

Мужчины в костюмах и сюртуках курили сигары и трубки. Все собрались за большим овальным столом. Чужая жизнь проскальзывает сквозь пальцы, сквозь пепел.

Художник Пауло Мендес с небольшой светлой бородкой достал альбом и карандаш из кармана и начал делать зарисовки друзей.

Сравнивая короткие стрижки Склярского в пенсне и доктора Одинцова, с бакенбардами и манжетами на запонках Турбина и Дуброва, вертящего лорнетом.

В их кругу ценилось англоманство.

Галстуки были безупречны, и скальвались на груди булавкой с жемчужиной или драгоценным камнем. Впрочем, возможно, и поддельным.

Пуговицы на рубашках, жилете так же были из драгоценных камней. Либо, из поддельных украшений, (по желанию) под жемчуг, золото и бриллианты.

Коротко-стриженные волосы, небольшие усики, небрежная улыбка, равнодушное обращение.

– Предоставляю вам решать этот вопрос господ социалисты-утописты, – безапелляционно заявил Дубров, продолжая вертеть свой лорнет вокруг пальца.

– Нет, нет, вам. Нет, вам, господа либералы. – Воскликнул не без ехидства Склярский, поправляя на носу «двойной лорнет» (пенсне).

– У вас не хватает полета мысли, смелости.

– Вы не так ставите вопрос.

– А вы подумали, что будет потом, господа? – товарищи?

– Мы все вылетим в трубу. – Задумчиво произнес доктор Иван Одинцов.

Раздался смех.

– Очень смешно. – Посмотрел на всех Дубров через лорнет как через лупу.

Доктор подошел к белой изразцовой печке напротив, приложив к ней ладони.

Свет приглушенной лампы играл в зеркалах напротив. Бу-мажные зеленые обои с портретами на стенах с бликами света.

– Вам холодно? – Спросил Дубров, куря сигару.

На ленте у его бархатного жилета свисал лорнет. Он небрежно сбросил пепел.

Мерцающий свет бронзовой люстры и канделябров отражался на поверхности вытянутого стола темного дерева. Мебели вытянутых пропорций, развешенных на стенах картинах.

– Да, знобит.

– Согрейтесь, выпейте, – предложил Дубров, подвигая к нему бокал с красным вином.

– Благодарю. – Доктор медленно возвратился на свое прежнее место.

– Но нам надо действовать, **ДЕЙСТВОВАТЬ** (несмотря ни на что). – Сказал, проявляя нетерпение Турбин. Метался неуверенный взгляд за оправами роговых очков.

– А, расхлебывать, как видно, будут другие? – С небрежной улыбкой сквозь усики, заметил Склярский.

– Да, да. А нам за это еще и памятник поставят. – Произнес Дмитрий Турбин с какой-то горечью, не смотря на свою молодость.

– Не дождетесь. – Как бы отрезал Склярский, который, вообще был очень резок. И выразался всегда соответственно.

– Зря вы так, зря. У вас не хватает политического кругозора. – Продолжал Дмитрий, который начинал уже терять терпение.

– Да, бросьте Вы спорить – Кто-то, кажется, Петр Дубров на правах хозяина дома, встал и заходил вокруг стола. – Надо выходить на баррикады, – сказал он, как бы ставя точку в споре.

– Батенька, а вы готовы в тюрьму сесть? Я вас спрашиваю. – Опять Склярский обратился, склонившись над Дмитрием Турбиным.

– Еще раз заявляю, одной пропагандой ничего не добьемся. Надо действовать.

– А я заявляю, уймите его.

– Не запугивайте. – Снова вмешался Дубров.

– Я предлагаю дуэль. – Заявил после паузы Дмитрий Турбин, считая себя оскорбленным.

– Вы фанатик, чисто фанатик. – Почти кричал Склярский, его лицо при этом покрылось красными пятнами.

– Предпочитаете фехтовать на шпагах, стрелять из пистолета? – Спросил, Петр Дубров, выдыхая сигарный дым.

– Оставляю выбор за вами. – Не поднимая головы, отвечал Казимир Склярский.

– Не злоупотребляйте моим терпением, уймитесь. – Он помолчал. – Завтра в восемь. У загородной заставы. Вы с нами, доктор?

Обернувшись, Дубров посмотрел на доктора.

– Да, с вами, – тихо ответил д-р Одинцов, дотронувшись пальцами до своей короткой бородки.

Пауло Мендес закрыл свой кожаный альбом зарисовками. Портреты в овальных рамах смотрели на него со стены с зелеными обоями.

СОН ДМИТРИЯ

Улыбка солнца, сквозь тучи.

Узоры солнца. Узоры на солнце.

Полковник Жабинский мог их расшифровывать или читать, кто знает?

Вверху отпечатался сквозь облака лик или облик Георгия Победоносца с копьем наперевес на коне.

(Этот неутомимый полковник Жабинский).

Вечно преследует. Зачем он здесь?

– Ну, зачем мы встретились, ведь ты же не попадаешь в мою вселенную? Это исключено.

– Я так захотел.

Потом все закрылось.

Где он очутился? Почему так темно? Неужели в тюрьме.

Свисающая паутина с зарешеченного окна. Непроглядная тьма. В окне луна.

Каменный пол с громадными каменными плитами. Голые стены, покрытые плесенью.

Пауло Мендес, соглядатай и провокатор, четко написал свой донос.

...Спешу сообщить, что вышеозначенные господа, совершили противоправные действия (учинили заговор) под видом собрания друзей.

Спешу уведомить, и т.д. и т.д.